

СЕМАСИОЛОГИЯ И ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКА:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Новейший период в отечественной лингвистике интересен, прежде всего, фактом полипарадигмальности развития науки. В широком спектре направлений возобладали антропологические приоритеты – интерес к тому, **как** отражен в языке человек (в качестве объекта номинации и характеристики, как носитель языка и культуры, как говорящий и адресат), и, с другой стороны, интерес к связи языка с сознанием – **связи языковых единиц** и их функционирования **с ментальными структурами и когнитивными процессами**, в том числе имеющими врожденный характер.

Сквозь призму антропологических идей происходит осмысление лексического, фразеологического, словообразовательного, синтаксического и т.д. «материала» и теорий, интерпретирующих эти подсистемы в рамках других научных парадигм. Антропологические идеи оплодотворяют многие теории, созданные в последние десятилетия, и дают мощный толчок к их развитию.

На общем антропологическом фоне, пожалуй, преобладает интерес к когнитивным идеям, получившим многостороннее осмысление. Трудно назвать область языкознания, в которой они в настоящее время не были бы приняты или опробованы. Это обстоятельство можно расценивать и как ожидание исследовательского прорыва на этом направлении, и как следствие неоправданного увлечения когнитивными терминами.

Плодотворно обращение сквозь призму этих идей и к теории лексико-семантической системы, которые позволяют посмотреть на нее с новой точки зрения. Обратимся к соотношению лингвокогнитивистики с семасиологией в свете того комплекса проблем, которые приходилось осмысливать автору и его коллегам по кафедре.

Семасиология (структурная семантика) и лингвокогнитивистика соотносятся по объекту – оба направления обращены к смысловому континууму языка/ мышления, к структурированию этого континуума, нацелены на выявление типов единиц, закономерностей их воспроизведения и т.д., в том числе во многом обращены к языковой картине мира, к тому, как мир, переработанный сознанием, отражен в системе языка, в лексико-семантической подсистеме.

Лингвокогнитивистика как самостоятельное направление оформилась в тот период, когда семасиология, казалось бы, выполнила свои основные задачи. Получилось, что лингвокогнитивистика своеобразно пришла на

смену семасиологии. Каково же их соотношение и отношения в сложившейся полипарадигмальной ситуации?

Показательно, что оно характеризуется не размежеванием, а тенденцией к интеграции (для сравнения – в американской лингвистике, по оценке А.Ченки, когнитивное направление явилось «в значительной степени реакцией на неудовлетворенность подходом к семантике, принятым в господствующем течении лингвистической теории. В связи с этим возростал интерес к развитию понятия значения, являющегося реалистическим с психологической точки зрения, т.е. к чему-то такому, что полностью игнорировали лингвисты, следующие традиции, рассматривающей семантику как символическую логику.» [Ченки: 68])

Появление лингвокогнитивистики (концептной лингвистики) в отечественной науке во многом *предвосхищено семасиологическими исследованиями последних десятилетий*. Особенно очевиден этот факт в области структурного изучения лексической семантики (работы А.А.Уфимцевой, Д.Н.Шмелева, Э.В.Кузнецовой, Л.М.Васильева, Л.А.Новикова, Р.М. Гайсиной, Ю.Н.Караулова, М.В.Никитина, И.А.Стернина, З.Д.Поповой, Л.Г. Бабенко, А.П.Чудинова, В.И.Шаховского и мн. др.). Так, теоретическая концепция лексического значения эволюционировала от дифференциальной теории к интегральной (иначе – от узкого понимания лексического значения ко все более широкому), которая фактически подвела эту категорию к категории концепта. Показательна почти буквальная соотносительность объема и структуры лексического значения (представленного в семасиологических концепциях «интегрального подхода», по терминологии А.П.Чудинова) и структуры и содержания концепта – то есть один из важнейших показателей корреляции двух теоретических парадигм.

В курсе «Основы семантики» я знакомлю студентов 1-го курса с теорией лексического значения, опираясь на идеи лингвистов, представляющих известные семасиологические школы: Э.В.Кузнецовой, И.А.Стернина, Л.М.Васильева, Р.М.Гайсиной, Б.А.Плотникова и других. В одной из моделей – при широком подходе – лексическое значение описывается в виде совокупности макрокомпонентов: *понятийного, эмпирического, коннотативного, мотивировочного, селективного*. Сопоставление состава слагаемых лексического значения и концепта обнаруживает прямую корреляцию двух структур. При разном понимании концепта, разных подходах к его интерпретации эта корреляция неизбежно сохраняется – несмотря на то что в разных научных школах акцентируется та или иная составляющая на фоне других, устанавливается разная иерархия этих единиц. Так, центральной составляющей в лингвокультурологических теориях признается ценностный (оценочный) компонент (соотносящийся с элементом коннотативного макрокомпонента). Неодинаковое место отводится эмпирической и понятийной частям: в одних теориях образный компонент включается в ядро, а понятийный относится к периферии, в других наблюдается

противоположная картина, наконец, в третьих образный компонент сенсорной природы относится к ядру, а образный компонент как результат метафоро-метонимической концептуализации знания – к периферии. Мотивировочный (мотивированный) макрокомпонент лексического значения напрямую соотносится с этимологическим слоем концепта в теории Ю.С.Степанова (и в целом при изучении конкретных концептов этимологическая оставляющая является одной из важнейших).

А если учесть, что в составе понятийного макрокомпонента лексического значения на правах его элементов были выделены *идеологический, национально-культурный, прагматический* как мотивирующие различия и динамику содержания лексического значения у разных групп носителей языка, то создается впечатление не корреляции или параллелизма, а буквального совпадения семасиологического и лингвокогнитивного подходов. Приведу фрагмент из книги Б.А.Плотникова «Основы семасиологии» (1984): «Важно подчеркнуть также тот момент, что в денотативном значении конкретной языковой единицы не просто зеркально отражается соотносимая с ней реалья: в это значение человеческим сознанием вносится множество дополнительных компонентов идеологического, чувственного, национального, морального, культурно-исторического, эстетического характера, которые составляют своеобразную упаковку денотативного значения или служат своего рода гранями призмы, преломляющей объективные свойства денотата в определенном каждым таким компонентом свете. В свою очередь, все эти компоненты органически вплетаются в понятие о соответствующем денотате и вместе с этим понятием образуют самостоятельный аспект значения языковой единицы. Этот аспект концентрирует в себе в предельно сжатом виде основные знания о денотате и упомянутые сопутствующие ему компоненты. Данный аспект значения называется сигнификативным и вместе с денотативным аспектом образует главную часть плана содержания.» [Плотников: 13] При таком охвате лексического значения трудно отыскать его отличие от содержания концепта. Показательно и другое: структура концепта оказывается сопоставимой даже со значением *одного* слова, тогда как концепт в большинстве случаев вербализуется лексическим множеством, иногда насчитывающим десятки и сотни лексических и фразеологических средств экспликации (например, концепт «конь-лошадь», содержание которого нами выявлялось путем семасиологического анализа *всех средств его вербализации* – в объеме ассоциативно-семантического поля «конь-лошадь» – см. об этом нашу статью в данном сборнике).

Таким образом, в недрах семасиологических концепций заложены основания современных теорий концепта – лингвокогнитивной, лингвокультурологической, ориентированных на этноспецифику, на идиостиль, на тип дискурса и т.п.

Категории лексической семантики легко экстраполируются в лингво-когнитивную парадигму, в частности, разные типы семантических парадигм коррелируют с разными типами концептов (см., напр., работы Е.А.Юриной) либо получают интересную интерпретацию в лингвокогнитивной парадигме (см., напр., последние работы А.М.Плотниковой).

Сказанное позволяет не только в общем плане констатировать отношения преемственности между семасиологической и когнитивной парадигмами в отечественной науке, но и говорить о том, что появление концепта как единицы описания, логика моделирования его структуры, создание конкретных методик его исследования *подготовлены в трудах по семасиологии, прежде всего в исследованиях по лексической семантике*. Не случайно в число центров когнитивной лингвистики уверенно вошли те вузы и научные коллективы, которые известны как признанные семасиологические школы. Происходит естественная эволюция семасиологических исследований в когнитивную плоскость.

Наряду с общностью объекта (смыслового континуума), послужившей объективным основанием *органичного объединения* двух направлений, не менее важной является логика развития отечественной семасиологии, непосредственно подошедшей к когнитивным идеям, фактически вышедшей за рамки задач структурной семантики. Иными словами, естественная ограниченность возможностей семасиологии (как и любой теоретической парадигмы), изначально в ней заложенная, фактически оказалась преодолена внутри самой парадигмы в результате ее выхода за собственные границы, и принципы антропологизма, антропоцентризма были внедрены в исследовательскую практику – без деклараций.

В этой ситуации не удивительно, что когнитивистика не отринула семасиологическую теорию системности лексики, структуры лексического значения, а целиком на нее опирается, используя ее достижения (думается, правда, что авторы конкретных работ, посвященных анализу концептов, используют их не в полной мере). В свою очередь, семасиология не остановилась в силу исчерпанности своего предмета, а получила новый стимул к развитию с появлением новых возможностей для уточнения семасиологических параметров системности – и по линии структуры лексического значения, и по линии природы семантических классов разных типов в их обусловленности когнитивными структурами, и по линии расширения представлений о границах системных отношений, и по линии механизмов семантической трансформации лексических единиц, по линии развития образности, ее роли в концептуализации знания и т.д.

Движение от лексико-семантических категорий к ментальным единицам шло по многим линиям.

1. Первая линия выразилась в только что проиллюстрированной тенденции к признанию лингвистически релевантным не только определения толкового словаря, но и культурно и прагматически обусловленного зна-

чения слова. Произошло не только *расширение* семантики, включение в нее далеко не только словарных толкований, а всего психологически реального смыслового содержания, но и ее своеобразное *углубление* – обнаружение факта расщепления сем в процессе речи на еще более мелкие компоненты и актуализации их в речи в составе актуального смысла в различных комбинациях (работы И.А.Стернина, А.П.Чудинова и др.).

Обозначился выход за рамки системно значимых архисемы и дифференциальных сем в сферу потенциальных сем, с признанием их неограниченного числа (именно поэтому постулировалось отсутствие четких границ лексического значения) и большой коммуникативной значимости, а также выход к национально-культурному, идеологическому, прагматическому аспектам.

Большую роль в этой эволюции сыграла теория семантического варьирования, доказавшая коммуникативно-языковую релевантность широкого круга передаваемой словом информации.

Встал вопрос о включении в лексическое значение эмпирического макрокомпонента: одни ученые выделяют в значении лишь зрительный образ предмета (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), другие – любые представления сенсорной природы: зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые (у слов типа *мелодия*, *арбуз*, *кипяток*). Позднее этот компонент (универсальный предметный код) получил интерпретацию как глубинный слой информации в концепте – как способ кодирования концепта, дающий ключ к пониманию механизмов невербального мышления.

В этом отношении предложенные когнитивной лингвистической теорией методы и понятия «сверхглубинной» семантики справедливо расцениваются как «не столько введение в исследовательский обиход какого-то нового инструментария и/или процедур, сколько с н я т и е з а п р е т а на введение в рассмотрение неких новых «далеких от поверхности» теоретических, модельных конструкций». [Паршин: 31]

Названные принципы служат базой для разработки принципов описания структуры концепта (в частности, использовались нами при исследовании семантики образа как метафорической модели). Не случайно самым крупным достижением когнитивного направления в американской лингвистике признаются именно успехи в анализе метафорической системы языка, в том числе составление «Базового списка метафор» для английского языка [Lakoff, Johnson], да и в отечественной лингвистике когнитивные принципы раньше всего были востребованы при исследовании метафоры, поскольку именно в этой области всякие ограничения лексического значения выглядят искусственными и не отвечающими психологически реальной картине, не позволяют интерпретировать механизмы формирования метафорического значения.

2. Вторая линия развития от лексико-семантических категорий к ментальным выразилась в *расширении типов лексико-семантических пара-*

дигм и, следовательно, самого понимания характера семантической парадигмы как единицы системы, как узла системных связей – вслед за интуитивным ощущением психологически реальной семантической общности слов (с установлением изоморфизма *структуры* значения лексем и *структуры* семантической парадигмы). От моночастеречных ЛСГ и тематических групп произошел переход к поличастеречным лексико-семантическим и ассоциативно-семантическим полям. В итоге поиски привели, в частности, к образу-концепту, вербализующемуся широким кругом слов разной категориальной семантики – ассоциативно-семантическим полем.

На первом этапе преобладали исследования ЛСГ – классической парадигмы (хотя само название использовалось не всегда терминологически). Эта семантическая парадигма как единица лексической системы – и в силу этого узел системных проявлений – стала на определенный период излюбленным объектом семасиологов, подверглась тщательному изучению и исчерпывающему описанию на материале разных частей речи, стала отправной точкой в исследовании системности лексики сразу по многим линиям. С осмысления феномена ЛСГ берут начало ряд направлений семасиологических исследований, переросших в когнитивные.

3. Не менее показательной на пути сближении семасиологической линии с когнитивной была эволюция в изучении метафоры. Теоретическая мысль двигалась от *атомарного рассмотрения семного механизма* метафорического словоупотребления – к открытию явления *регулярной многозначности* (сначала на материале синонимов, антонимов и ЛСГ), далее – к выявлению более широкой картины регулярной многозначности (преобразования семантики слов одного класса на основе общей формулы – см. работы Д.Н.Шмелева, Н.А.Боровиковой, А.П.Чудинова и др.) в парадигмах разного типа вплоть до ассоциативно-семантического поля³, очерчивающего, как оказалось, границы средств вербализации одной метафорической модели, в основе которой лежит концепт. К концепту привели эмпирические поиски воспроизводимой единицы как отправной точки в выявлении регулярности в образовании переносных значений (в частности, в наших работах).

Концепт оказался искомой *единицей, воспроизводимой* в процессе метафорообразования. Как только в поле зрения оказался концепт – как воспроизводимая (естественная для сознания!) единица структурированного знания – перед исследователями открылась более широкая панорама *разнообразных проявлений регулярности* (в дополнение к регулярной многозначности) в образовании языковой метафоры и метонимии и роль когнитивных механизмов в этих процессах, в частности, векторы переноса

³ Отсылаем к нашей статье «Метафорика сквозь призму системности лексики» в этом сборнике.

образа, обнаружившие в том числе метонимическую природу (см., например, [Илюхина 2005], [Илюхина 1999]).

Итогом осмысления феноменов многозначности стало понимание метафоры и метонимии как способов категоризации и концептуализации знания (выражающихся в том числе в языке) – неразрывно связанных между собой и в силу этого обеспечивающих экспансию образного моделирования всех сфер действительности, отраженного и в структуре любого концепта.

Повторю, семасиологические изыскания в отечественной науке вывели к когнитивному осмыслению выявленной картины, требовалось лишь провозгласить более широкий взгляд в виде теоретической парадигмы – иной призмы для оценки выявленной картины системности, призмы, расширяющей поле зрения и снимающей ставшие тесными ограничения. Когнитивистика как раз и сняла «запреты», провозгласив относительность установленных семасиологией границ (хотя и принципиально важных), обратив внимание на то, что языковое значение – это разновидность знания о мире, не отделенная непроходимой границей от других типов знания, провозгласила множественность способов категоризации знания. Восприятие когнитивных идей в отечественной семасиологии было предопределено их внутренней органичностью для семасиологического подхода.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
2. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
3. Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: Автореферат дисс. ...доктора филолог. наук. Уфа, 1999.
4. Илюхина Н.А. Номинация и образное моделирование концепта 'власть, государство' (о единой базе метонимии и когнитивной метафоры) // Язык и общество в синхронии и диахронии / Труды и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой. Саратов, 2005. С. 248-253.
5. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.
6. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989.
7. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983.
8. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
9. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // ВЯ. 1996. № 2.
10. Плотников Б.А. Основы семасиологии: учебное пособие для фил. фак. вузов; Под ред. А.Е.Супруна. Минск: Выш. шк., 1984.
11. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола: Автореф. ...дисс. доктора филолог. наук. Екатеринбург, 2009.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
13. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

14. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
15. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968.
16. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // ВЯ. 1996. № 2.
17. Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердлов. пед. ин-т, 1986.
18. Чудинов А.П. Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Свердловск, 1990.
19. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
20. Юрина Е.А. Образный строй языка. Изд-во Томского университета, 2005.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980.

Е.А. Яковлева

*Башкирский государственный
педагогический университет*

ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН ИНДИВИДА И ПРАГМАСИНОНИМЫ

«Он (Хлебников) раскрыл гросс-бух и начал водить пальцами по черновикам слов. Всякие тут были: и «слова в разрезе», и «голые» новорожденные, и ласкательно наряженные, и «слова-женщины», и «слова-мужчины», и высохшие старчески – или «проекты слов» – и среди них – «протезы» для замены отрубленных частиц.»

[Татьяна Вечерка 1995: 16].

Сам поэт сравнивал словотворчество со «взрывом языкового молчания глухонемых пластов языка», а свой поэтический труд с деятельностью «путейца языка», пролагающего пути «из одной долины языка в другую».

Мы не случайно, занимаясь процессами словообразования в русской разговорной речи, обратились к имени великого языкотворца. Писатели, подобные Хлебникову, это люди, которые до конца жизни так и не утратили социально обусловленную и присущую человеку сызмальства способность *создавать* новые слова и речевые обороты. Достаточно лишь вспомнить детские «*лютые желтики*» (*желтые лютики*), «*овечки*» (баранки), «*десятьсот*», «*антиклумба*» («на ней ничего не растет!»).

Лексические новации особенно заметны на современном этапе развития русского языка, когда в нем происходят поистине революционные преобразования. Этому способствуют и социальные сдвиги, целиком захватившие общество: информационный бум, расширяющаяся в пространстве воздействующая роль СМИ, открытость государственных границ, структурные преобразования в сфере личностных отношений и многое другое.